

Научная статья
УДК 340.01(470+571)
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.10>

Норма – институт – отрасль и интеграл: необходимое дополнение в структуре российского права на современном этапе его развития

Иван Владимирович Упоров

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Аннотация. В статье выявляются и анализируются основные тенденции развития системы российского права с точки зрения его структурного строения, при этом акцент делается на современном состоянии. Отмечается, что имеет место непрерывное возрастание количества нормативно-правовых актов и этот объективный процесс периодически ставит перед правовым сообществом проблему классификации увеличивающегося правового массива. В предвоенные годы усилиями советских правоведов в оборот была введена категория «отрасль права», а затем сконструирована ставшая общепризнанной структура права в виде правовой триады «норма права – институт права – отрасль права». Однако к настоящему времени правовой массив достиг таких больших размеров, что требуется его очередная классификация. В связи с этим обосновывается предложение о дополнении структуры права новым элементом в виде интеграла права, который включает в себя группу самостоятельных отраслей права при сохранении устоявшихся критериев классификации (предмет, метод). В таком случае указанная правовая триада трансформируется в правовую тетраду «норма – институт – отрасль – интеграл». Показывается значение данной модели в классификации правовых образований.

Ключевые слова: право, система, структура, тетрада, правовой акт, отрасль права, нормативно-правовой акт

Для цитирования: Упоров И.В. Норма – институт – отрасль и интеграл: необходимое дополнение в структуре российского права на современном этапе его развития // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 58–65. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.10>.

Original article

Norm – institution – branch and integral: a necessary addition to the Russian law structure at the present stage of its development

Ivan V. Uporov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Abstract. The paper identifies and analyzes the main trends in the development of the Russian legal system in terms of its structural construction, with an emphasis on its current state. It is noted that there is a continuous increase in the number of legal acts and this objective process periodically presents the legal community with the problem of classifying the increasing body of law. In the pre-war years, the category “branch of law” was introduced by the efforts of Soviet legal scholars, and the generally accepted structure of law as a legal triad “legal standard – institution of law – branch of law” was then constructed. By now, however, the body of law has reached such enormous proportions that its next classification is required. In this regard, a proposal is substantiated to supplement the structure of law with a new element in the form of an integral of law, which includes a group of independent branches of law while maintaining the established classification criteria (subject, method). Thus, the legal triad is transformed into the legal tetrad “norm – institution – branch – integral”. The significance of this model in the classification of legal entities is demonstrated.

Keywords: law, system, structure, tetrad, legal act, branch of law, regulatory legal act

For citation: Uporov I.V. Norm – institution – branch and integral: a necessary addition to the Russian law structure at the present stage of its development // Society: Politics, Economics, Law. 2021. No. 8. P. 58–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.10>.

Право как социальный регулятор длительное время развивалось исключительно в рамках правотворческой и правоприменительной практики. С Нового времени начали проводиться научные исследования этого феномена. В России данный рубеж относится к концу XVIII – началу XIX в., и к началу XX в. правовая наука, опираясь уже на системные методы, имела значительные достижения, о чем свидетельствуют труды С.И. Баршева, И.Д. Беляева, В.М. Гессена, А.М. Гуляева, С.Е. Десницкого, К.Д. Кавелина, П.Е. Казанцева, А.Ф. Кистяковского, Н.М. Коркунова,

С.А. Муромцева, А.Н. Радищева, Н.С. Таганцева, И.Т. Тарасова, В.Н. Татищева, И.Я. Фойницкого, Б.Н. Чичерина и др. Следует заметить, что многие наработки дореволюционных правоведов являются фундаментальными и, более того, по ряду позиций в теории государства и права, сфере гражданско-, уголовно-правовых и других видов правоотношений они по-прежнему актуальны и используются как в правовых науках, так и в учебном процессе.

Вместе с тем по одному из важнейших вопросов развития права, а именно в части классификации видов этого социального регулятора, существенных продвижений не наблюдалось. Речь идет прежде всего об отраслях права. Сегодня при обращении к периоду Российской империи исследователи привычно оперируют наименованиями разных отраслей права, но нужно иметь в виду, что тогда еще не было научного обоснования разделения системы права по отраслям – в отличие от отраслей законодательства. Это, очевидно, можно объяснить, во-первых, недостаточным временем системного исследования права; во-вторых, наличием действующего тогда многотомного Свода законов Российской империи, где законодатель де-факто классифицировал весь массив законодательных актов на разделы, которые в дальнейшем и стали основой для выделения соответствующих отраслей права. Однако доктринальных классификаций права еще не существовало, равно как и термин «отрасль права» еще не был распространенным. Наиболее изучаемыми в науке и, соответственно, учебных заведениях были такие разделы права, как государственное право, уголовное право, гражданское право. Считалось также общепринятым деление права на публичное и частное.

После революции 1917 г. система советского права поначалу имела выраженный политико-идеологический характер, связанный с отвержением имперского подхода к праву, соответственно предпринимались попытки выделять «буржуазное право», «социалистическое право», «пролетарское право», «крестьянское право» и т. д. По мере стабилизации общественных отношений выяснилось, что в Советском государстве продолжается имевшая место в имперском государстве тенденция поступательно-непрерывного увеличения объема нормативно-правовых актов. При этом в отличие от Российской империи в СССР не было единого свода законов (таковой появится только в 1980-е гг., но не будет иметь практического значения), выявилась потребность в упорядоченности правового материала.

В результате нескольких дискуссий (перед Великой Отечественной войной, затем в 1950–60-х гг.) была изменена стратегия научных исследований, при этом наибольшее значение имело первое всесоюзное совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.), где был зафиксирован разрыв с «правовым авангардом» революционного лихолетья и «взят курс на адаптацию приемлемых для властей положений старого права» [1] (в частности, было признано, что право, как и государство, не отомрет в обозримом будущем, как предполагали радикальные марксисты-ленинцы, а будет существовать длительный период). Научная составляющая стала постепенно превалировать над политической. Предлагались разные трактовки сущности права, еще не без обязательной классовой «начинки», которую мы опускаем: право как совокупность правил поведения, установленных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке (А.Я. Вышинский, 1938 г.); право как единство правовой нормы и правоотношения (С.Ф. Кечекьян, 1955 г.); право как результат взаимодействия правовой нормы, правоотношения и правосознания (Я.Ф. Миколенко, 1965 г.) и др.

Однако в контексте нашего исследования важно то, что появилось доктринальное толкование системы права в виде отраслей права, понятия отрасли права, критериев выделения отрасли права (ведущие критерии: предмет и метод регулирования) и др. Так, советский правовед М.А. Аржанов предложил первую в истории советской правовой мысли классификацию отраслей правовых норм, разделяя их на общие (государственное, уголовное, гражданское право) и особые (колхозное, церковное право и др.) [2]. Значительный вклад в разработку теоретических основ системы права внесли такие советские ученые-правоведы, как Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, А.Я. Вышинский, А.Г. Гойхбарг, С.Ф. Кечекьян, Д.А. Керимов, Н.В. Крыленко, Г.В. Мальцев, Л.С. Мамут, Я.Ф. Миколенко, В.С. Нерсисянц, А.А. Пионтковский, В.О. Татенбаум, Ю.А. Тихомиров, Л.С. Явич и др., которые в совокупности определили подход к праву и государству как социальным явлениям, зависимым от материальной жизни общества и его дифференциации на большие социальные группы, оценки права как равного масштаба и др. [3, с. 356]. Кроме того, была обозначена проблема соотношения отрасли права и отрасли законодательства, по поводу чего мнения разнятся и дискуссии продолжаются (мы не затрагиваем этот аспект, отметим лишь, что здесь важнейшее значение имеет наличие официальной классификации отраслей законодательства, чего в России до сих пор нет в отличие от Российской империи в виде отмеченного свода законов).

Особо подчеркнем, что в теории права советского периода сформировалось также понимание структуры права в виде трех основных элементов (триады): *«норма права – институт*

права – отрасль права» (здесь и далее мы имеем в виду так называемое «вертикальное» строение права). Именно эта правовая триада по-прежнему является главенствующей при изложении структуры права в учебниках и учебных пособиях по теории права, именно она имеется в виду в абсолютном большинстве научных исследований, темы которых так или иначе касаются структуры права как социального регулятора. Здесь же сделаем оговорку, суть которой в том, что данная правовая триада в литературе именуется как «структура права», а также «система права», встречается и вариант «структура системы права». Мы не углубляемся в этот вопрос (авторы приводят аргументы пользу своего варианта) и полагаем, что термин «структура» точнее отражает рассматриваемую правовую триаду, поскольку термин «система» предполагает более широкое понимание данного явления.

По поводу указанного элементарного состава структуры права («норма – институт – отрасль») есть и другие точки зрения (Г.В. Игнатенко, Т.В. Кашанина, Д.А. Керимов, В.П. Реутов, А.И. Уемов, В.И. Червонюк и др.), подробный обзор которых дает, в частности, Д.Е. Петров, но в целом они не выходят за парадигму правовой триады «норма – институт – отрасль» [4]. При этом мы исключаем, конечно, тех немногих авторов (Р.З. Лившица, В.П. Мозолина, В.Ф. Попондопуло, Ц.А. Ямпольскую, Л.Б. Тиуну и др.), предлагавших вообще отказаться от категорий «отрасль права» и «система права», соответственно использовавших для этих целей понятия «отрасль законодательства» и «система законодательства» [5, с. 23]. Кроме того, указанная правовая триада в правовой литературе нередко дополняется субэлементами – «подотрасль права», «субинститут права»; а один из авторов (А.Н. Таран) предлагает даже понятие «подсубинститут» (имея в виду под таковым отмену приговора судом кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство) [6], однако, на наш взгляд, данный элемент структуры права избыточен в части усложнения правовой конструкции.

Тем не менее основные элементы структуры права («норма – институт – отрасль») остаются общепризнанными. В указанном элементарном составе важнейшим компонентом является отрасль права – данная правовая категория, как мы уже отмечали, была введена в российское правовое пространство еще в предвоенное время. Сейчас, спустя почти 80 лет, в целом практика показывает правильность такого подхода, и в данном контексте следует согласиться с тем, что «отрасли права не изобретаются правоведами, они формируются естественным путем – из практической потребности общества в правовой регуляции той или иной области человеческих отношений; при этом качественное своеобразие той или иной сферы общественных отношений вызывает к жизни соответствующую совокупность правовых норм, составляющих отрасль права» [7, с. 67].

Объективность данного процесса, на наш взгляд, очевидна. Однако равным образом она очевидна и в том, что выделение отраслей права в свое время было обусловлено всевозрастающим объемом нормативно-правовых актов – в соответствии с усложнением в целом социальных отношений. И если раньше, например, в Древнерусском государстве функционировала лишь Русская Правда, то, разумеется, ни о каких отраслях права не могло быть и речи. Так было довольно долго – пока в начале XIX в. объем правового массива не стал столь обширным, что пришлось провести фундаментальную ревизию всего российского законодательства. Это было сделано путем создания 46-томного Полного собрания законов Российской империи, начиная с Уложения 1649 г. (позже формировались второе и третье собрания законов), а затем 15-томного (позже прибавился еще один том) Свода законов Российской империи, который вступил в силу 1 января 1835 г. Однако и после этого количество нормативно-правовых и иных актов неуклонно возрастало, в связи с чем в Свод законов вносились многочисленные изменения. Правовая дореволюционная российская наука стала искать критерии классификации огромного правового материала, но революционные события 1917 г. на некоторое время прервали усилия ученых.

Однако и в Советском государстве тенденция оставалась неизменной – количество правовых актов продолжало увеличиваться, на каком-то этапе появилась потребность в интеграционных правовых образованиях. Таковыми и стали отрасли права. Сконструированная на базе отрасли права рассматриваемая нами правовая триада «норма – институт – отрасль» как основа структурного строения права действует долго, до сих пор.

Однако напор все новых правовых актов с начала 2000-х гг. вынудил ставить вопросы о том, что дальше делать с громадно возросшим правовым массивом. Дело в том, что количество доктринально выделяемых отраслей права стало стремительно увеличиваться, особенно после распада СССР, когда развитие права стало более демократичным. Так, Р.Л. Хачатуров со ссылкой на ряд работ (А.А. Головиной, М.Ю. Осипова, Т.Н. Радько и др.) указывает на то, что в правовой науке в 2004 г. обсуждался вопрос о 26 новых отраслях права, в 2012-м – о 60, 2017 г. – около 90 (!) новых отраслях [8, с. 91]. В частности, речь шла о выделении таких отраслей права, как банковское право, внешнеэкономическое право, кредитное право, конкурсное право, испол-

нительное право, лесное право, воздушное право, военное право, музейное право, право Интернета, право устойчивого развития, таможенное право, торговое право, энергетическое право, ювенальное право и т. д. По мнению Р.Л. Хачатурова, предложения о выделении указанных и других отраслей носят искусственный характер и являются «преждевременными и требуют всестороннего исследования», в общем «тенденция выделения новых отраслей российского права ставит под сомнение целостность и научность системы российского права» [9, с. 92], в то время как «фундаментальное строение системы права требует очень внимательного отношения к рассматриваемой проблеме. Поспешные решения приведут к снижению эффективности правового регулирования общественных отношений, и, может быть, возникнут “трамвайно-троллейбусное право”, “банно-прачечное право” и т. п.» [10, с. 92].

При этом в литературе все чаще ставится под сомнение как сама правовая триада «норма – институт – отрасль», так и отрасль права как основной элемент структуры права. В частности, по мнению В.П. Мозолина, «понятие отрасли права оказалось девальвированным до такой степени, что им по существу невозможно пользоваться в практических целях» [11, с. 5-6]. В.К. Андреев полагает, что существующее отраслевое строение права – «дань научной традиции, чем объективная реальность, так как невозможно провести четкую грань между отраслями права» [12, с. 50-51]. В этом же контексте С.П. Маврин пишет, что сама проблема деления права на «какие-то квазисамостоятельные отрасли» уже не актуальна, поскольку ее решение не оказывает никакого практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения» [13, с. 211], а С.Г. Соловьев добавляет, что самостоятельных отраслей права не существует вовсе, так как самостоятельной является только сама система права, но не отдельные ее части [14, с. 26].

В этом же ряду активно обсуждается проблема целесообразности выделения «комплексных» отраслей права (например, медицинского права, муниципального права и др.), где диапазон мнений также очень широк – от важности выделения таких отраслей до отвержения, а по мнению Ю.К. Толстого, комплексность в той или иной степени присуща любой отрасли права, поэтому в процессе их совершенствования не нужно достигать «чистоты» каждой, поскольку это неосуществимо в силу условности границ между отраслями права [15, с. 72]. В литературе рассматриваются и такие вопросы, как допустимость (недопустимость) выделения правовых норм-принципов, норм-дефиниций, соотношения институтов права и отраслей права, в том числе с точки зрения того, может ли институт права объединять нормы разных отраслей права (например, институт наказания в уголовном праве и административном праве, институт договора в гражданском праве и трудовом праве и т. д.), допустимость классификации отраслей права на основные и неосновные, степень зависимости отрасли права от формы ее выражения в законодательстве и др.

Постановка новых проблемных вопросов, на наш взгляд, вполне закономерна. Еще раз подчеркнем, что тенденция последовательно возрастающего объема правового массива продолжает действовать, на что еще в 1980 г. обращала внимание Е.И. Козлова [16, с. 37]. По данным Минюста России, в настоящее время насчитывается 131 305 актов федерального законодательства (включая ведомственные), 1 759 411 нормативно-правовых актов субъектов Федерации, 9 948 289 нормативно-правовых актов муниципальных образований [17]. За этим, как справедливо замечает В.А. Муравский, должны следовать некие интеграционные решения [18, с. 13].

Действительно, в рамки пока еще общепринятой правовой триады «норма – институт – отрасль» миллионы правовых актов уже не вписываются – с точки зрения гармонизации систематизации и структурирования права, с одной стороны, и правоприменительной практики – с другой. Между тем некоторые попытки решения данной проблемы уже предпринимаются. Как отмечается в литературе, «поскольку по отношению к отраслевым юридическим наукам теория государства и права выступает обобщающей наукой и исследует общие для всех юридических наук проблемы, она и призвана вырабатывать новые подходы теории системы права Российской Федерации» [19, с. 94]. И наука не стоит на месте. Так, по мнению Г.Н. Комковой, подотрасли права следует выделять в самостоятельные отрасли права (например, из конституционного права выделяется парламентское право) [20, с. 78]. Однако при таком подходе количество отраслей права будет по-прежнему возрастать. Равным образом это касается предложения вместо институтов права ввести общности правовых норм в виде правовых «комплексов» [21, с. 57–59]. А.Н. Жеребцов полагает необходимым создавать интеграционные подотрасли наднационального характера [22, с. 68], но данное предложение относится к сфере сопряжения национального и международного права, в то время как мы ведем речь о российской системе права. В целом понятие интеграции права используется, как правило, применительно к международным отношениям (работы С.Ю. Кашкина, С.В. Бахина, В.В. Блажеева, Ж.Т. Искаковой, П.А. Калининченки, В.П. Кириленки, В.А. Шахматова и др.), но, на наш взгляд, оно вполне приложимо к российской системе права – в качестве методологического механизма и с учетом отмеченных тенденций развития права в России.

В этом же контексте поиска дополнительных интеграционных правовых образований можно указать на использование в литературе терминов «подсистема права», «правовой комплекс». Однако понимание этих категорий очень различно. Так, С.С. Алексеев относит к подсистемам права совокупность норм, закрепленных в объективных формах, правовую идеологию, юридическую практику; В.В. Сорокин как пример подсистемы права называет совокупность международно-правовых норм, действующих на территории той или иной страны; В.А. Лаптев полагает, что подсистема права относится к одной отрасли права, например, система предпринимательского права включает в себя международную и внутреннюю подсистемы норм права; Н.Ю. Круглова допускает понимание отрасли права как подсистемы права и т. д. Спектр мнений на этот счет очень широк, кроме того, указанные и большинство других авторов не акцентируют внимание на теоретическом обосновании необходимости четвертого элемента в рассматриваемой триаде «норма – институт – отрасль». В данной статье представлена попытка сделать это, причем, разумеется, мы не претендуем на исчерпывающую аргументацию, учитывая сложность анализируемой теоретико-правовой проблемы.

Здесь же затронем и вопрос соотношения системы права и системы законодательства. Дело в том, что в Российской империи имела место официальная классификация законодательства (Свод законов), выступавшая основой для доктринальных толкований в данной сфере. В Советском государстве также был составлен Свод законов СССР, который хотя и не имел большого практического значения, тем не менее определял позицию государства по классификации законодательства и, как следствие, отраслей права. Однако в постсоветской России Свода законов РФ до сих пор нет (несмотря на президентский указ 1995 г.), при этом наблюдается большой разброс мнений по поводу классификации отраслей права. В этом контексте нужно еще раз подчеркнуть, что всевозрастающий массив нормативно-правовых актов на определенных этапах с неизбежностью приводит к необходимости выделения новых обобщающих правовых образований. Например, если бы этот процесс не был интенсивным, то вряд ли бы возникла необходимость в таком правовом образовании, как отрасль права. Тем не менее указанный процесс интенсивен и такое правовое образование появилось. Соответственно, сформировались понятия «система законодательства» и «система права», разброс мнений о которых в литературе также необычайно широк (П.К. Анохин, О.А. Быстрыкин, С.Н. Братусь, А.А. Кононов, А.В. Кузьменко, А.В. Мицкевич, В.Ф. Попондопуло, А.Ф. Шебанов и др.) при преобладании точки зрения, что они соотносятся как «форма» и «содержание». Как видно, категории «система законодательства» и «система права» являются взаимосвязанными и взаимовлияющим (по выражению В.Б. Исакова, как практика и теория), т. е. их невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. К настоящему времени, как отмечалось, наметился интенсивный процесс выделения все новых отраслей права (на основе расширения системы законодательства) и накопленное их количество также требует обобщения (что, собственно, уже происходит и в данной статье даются авторское видение проблемы и пути ее решения). Такое положение, как представляется, лишь актуализирует проблему совершенствования структуры права, заключающуюся в нашем случае в поиске дополнительных интегрирующих правовых образований в российской системе права.

В связи с этим предлагаем дополнить правовую триаду «норма – институт – отрасль» еще одним элементом под названием «интеграл права», тогда правовая триада трансформируется в правовую тетраду «норма – институт – отрасль – интеграл». В предлагаемом интеграле права как элементе структуры права в качестве критериев выделения сохраняются классические предмет и метод правового регулирования, но это происходит на более высоком обобщающем уровне, поскольку интеграл права объединяет группу отраслей права, которые, в свою очередь, остаются самостоятельными.

Необходимость этого можно показать на примере интеграла в виде общего названия «интеграл публично-территориального права». Правовая проблема здесь заключается в следующем. В России как федеративном государстве в соответствии с Конституцией сформированы основные виды публично-территориальных образований: 1) государство в целом; 2) субъекты Федерации; 3) муниципальные образования. В каждом виде публично-территориальных образований на базе волеизъявления народа (населения) и согласно собственным учредительным актам (конституции, уставам) формируется публичная власть. Вместе с тем нет достаточной ясности в том, в рамках каких правоотношений регулируются статус и деятельность каждого из указанных видов публично-территориальных образований.

Если иметь в виду государство в целом (Российская Федерация, федеральный центр, федеральное публично-территориальное право), то, казалось бы, наличие федеральной конституции (Конституции России 1993 г.) снимает поставленный вопрос и дает ответ – здесь главенствует конституционное право. Однако ситуация не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд, тем более что статус конституционного права неоднозначный (так, В.П. Мозолин

считает неправильным располагать конституционное право в одном ряду с другими отраслями права). Дело в том, что Конституция России хотя и является федеральной, но определяет основы формирования публичной власти и иные вопросы публично-территориальных всех уровней, а не только России как государства. Кроме того, есть нормативно-правовые акты федерального уровня, регулирующие публичные правоотношения, в которые вступает государство «как единый и неделимый субъект» [23, с. 58], в частности законы о Правительстве России, Верховном суде России, выборах Президента России, выборах депутатов ГД ФС РФ и др. Эти акты уже давно выступают формой таких самостоятельных отраслей, как административное право, парламентское право, судебное право и др. Но системная структурированность данных отраслей права, регулирующих статус государства (как публично-территориального образования) в отдельных сферах, отсутствует, в связи с чем мы полагаем целесообразным объединить их в самостоятельном правовом образовании под общим названием «публично-территориальное право», чьим предметом являются статус и деятельность публично-территориальных образований, и при ведущей роли конституционного права.

Именованное такое правовое образование, выходящее за пределы одной отрасли права и включающее в себя несколько отраслей права, имеющих один обобщенный предмет регулирования, можно как упомянутый «интеграл права». В нашем случае речь может идти об интеграле федерального публично-территориального права.

Далее обратимся к региональному уровню публично-территориальных образований. Следует заметить, что к настоящему времени в литературе имеется ряд работ, где исследуются проблемы регионального права (в контексте самостоятельной отрасли права). Так, по мнению А.Н. Кокотова, необходимость выделения регионального права обусловлена, «во-первых, существованием региональных... сообществ людей, требующих комплексного и обособленного правового закрепления собственного статуса, и, во-вторых, политико-правовой самостоятельностью субъектов Федерации... распространяющейся на их право осуществлять комплексное правовое саморегулирование» [24, с. 33]. Н.М. Добрынин добавляет еще аргумент – «совершенствование федеративных отношений между субъектами Российской Федерации, наполнение их новым реальным содержанием... Формирование этой отрасли права является закономерным этапом развития конституционного права» [25, с. 39]. Он указывает, что создание регионального права формирует научный базис модернизации федеративных отношений. К этому можно добавить и такое парадоксальное явление. Статус и деятельность государства как публично-территориального образования пусть и не на достаточно системном уровне, но все же изучается в вузах в рамках конституционного права. Равным образом это касается муниципальных образований – в рамках муниципального права (обязательная компонента учебных планов). В то время как регионы (прежде всего субъекты Федерации) как публично-территориальные образования целенаправленно не изучаются. Между тем еще в 2002 г. издано учебное пособие «Региональное право» под авторством М.Ф. Маликова (2002), затем через 10 лет еще одно – авторы М.Г. Потапов, И.В. Балакна (2012), также опубликован ряд книг и статей, посвященных статусу субъектов Федерации (М.Г. Потапов, В.Н. Данилов, И.А. Конюхова, А.Н. Лебедев, В.В. Толстошеев, А.Н. Чертков и др.), в этом же ряду можно назвать работы, где в качестве самостоятельных выделяются конституционное право и уставное право субъектов Федерации (например, учебник В.Р. Давтяна и Д.В. Кононенко «Конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации», переизданный в 2021 г.).

Однако данный подход не был поддержан как в научном сообществе, так и в правотворческой и правоприменительной деятельности. В целом региональное право находится пока на периферии научных исследований. Вероятно, в некоторой степени на такое положение повлияло мнение авторитетного отечественного правоведа О.Е. Кутафина, который, в частности, полагал, что выделение конституционного права республик в составе России не имеет под собой достаточного обоснования, поскольку единая правовая система не предполагает деления на федеральное право и право субъектов Федерации, должно быть традиционное деление «на определенные отрасли права, имеющие свой предмет правового регулирования и включающие в себя правовые нормы, принятые как на федеральном, так и на региональном уровне» [26, с. 61]. В этом смысле те же конституции (уставы) субъектов Федерации следует расценивать не иначе как региональные источники единого конституционного права.

Какие бы ни были причины, но региональное право не получило своего активного развития, и полагаем, что это является негативным фактором, учитывая, что на региональном уровне имеется немало проблем, ожидающих разрешения. В частности, требует осмысления соотношение статусов субъектов Федерации и федеральных округов, а сейчас и с федеральными территориями как новым территориальным образованием; остро нуждается в правовом регулировании функционирование агломераций, включающих части территорий смежных субъектов Федерации;

нет достаточной ясности в том, почему в субъектах Федерации отсутствуют какие-либо самостоятельные правоохранительные структуры, и т. д. В настоящее время, на наш взгляд, отсутствуют отрасли права, в рамках которых можно было обсуждать указанные и другие проблемы и выработать соответствующие рекомендации. Если ввести в оборот такое правовое образование, как интеграл права, то появится больше возможностей для этого, в том числе, в частности, можно проводить научные конференции, издавать соответствующие журналы и т. д. В данном случае предлагаемый нами региональный интеграл публично-территориального права будет включать в себя отрасли права, так или иначе регулирующие статус и деятельность регионов как публично-территориальных образований (если иметь в виду правовые акты, то речь идет прежде всего о Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1999 г.) при ведущей роли все того же конституционного права).

На муниципальном публично-территориальном уровне ситуация представляется более определенной, если иметь в виду муниципальное право как отрасль права. Однако и здесь достаточно вопросов, требующих правового осмысления, что затруднительно в рамках лишь муниципального права. Например, как ни странно, в базовом законе (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») нет понятия «город» как населенного пункта, из-за чего сложно соотнести категории города и городского поселения, города и городского округа, города и внутригородского района и т. д. Кроме того, деятельность органов местного самоуправления осуществляется по многим направлениям социально-экономической жизни, есть много отраслевых законов, где закрепляются соответствующие полномочия муниципалитетов. Эти законы относятся к разным отраслям права (земельному, градостроительному, образовательному, медицинскому праву и т. д.), и здесь необходимо уточнение полномочий муниципалитетов в связи с конституционными поправками 2020 г., и т. д. В данном случае целесообразно это делать, выделив муниципальный интеграл публично-территориального права с включением в него отраслей права, содержащих нормативно-правовые акты, регулирующие статус и деятельность муниципальных образований как публично-территориальных образований, и при ведущей роли муниципального или, возможно, административного права.

Мы привели только один пример выделения интеграла права. Учитывая, что объем нормативно-правовых актов будет и дальше непрерывно возрастать, то, несомненно, потребность в дополнительных правовых образованиях будет усиливаться. Вместе с тем нужно понимать, что это процесс длительный. Достаточно вспомнить, что становление доктринального деления на отрасли права в России стартовало только в начале XIX в., но лишь в середине XX в. сформировалось такое общепризнанное правовое образование, как отрасль права. Очевидно, что и четвертый элемент, который дополнит триаду «норма – институт – отрасль», будет развиваться, вероятно, в течение нескольких десятилетий. Здесь также очевидным представляется то обстоятельство, что появление дополнительного компонента структуры права обусловлено прежде всего неостановимым процессом генерирования все новых нормативно-правовых актов, в свою очередь, это отражает непрерывность развития и усложнение социальных отношений в жизни человечества.

Как представляется, использование интеграла права как дополнительной составляющей (элемента) системы права позволит целенаправленнее исследовать соответствующие правоотношения, добиваться большей эффективности их регулирования, чему будут способствовать также современные цифровые технологии. Разумеется, данное предложение небесспорно и оно направлено прежде всего на активизацию усилий по совершенствованию системы российского права и его структурного строения.

Список источников:

1. Иванов А. «Советская» «юридическая» «наука»: путь к праву. Часть вторая. Периодизация [Электронный ресурс] // Закон.ру : первая социальная сеть для юристов. 2017. 19 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2017/11/19/sovetskaya_yuridicheskaya_nauka_put_k_pravuchast_vtoraya_periodizaciya (дата обращения: 10.08.2021).
2. Азми Д.М. Учение М.А. Аржанова о системе права // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 35–38.
3. Дубовицкая О.Н. Подходы к сущности права в период советского политического режима // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 11 (103). С. 355–361.
4. Петров Д.Е. Структурное многообразие системы российского права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 23–30.
5. Червонюк В.И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Предисловие и выпуск первый: категория системы права в общей юриспруденции // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 18–25.
6. Таран А.Н. Отмена приговора судом кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство как подсубинститут : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 196 с.
7. Право / под ред. Л.Н. Боголюбова, Е.А. Лукашевой, А.И. Матвеева. М., 2008. 284 с.
8. Хачатуров Р.Л. Становление отраслей права Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 91–97. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-00012>.

9. Там же. С. 92.
10. Там же.
11. Мозолин В.П. Система российского права : тезисы доклада на всероссийской конференции в Московской государственной юридической академии // Право и политика. 2002. № 2 (26). С. 5–26.
12. Андреев В.К. К разработке новой редакции ГК РФ // Хозяйство и право. 2008. № 10. С. 50–55.
13. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 205–216.
14. Соловьев С.Г. К вопросу о комплексности предмета и о методах муниципальной отрасли права // Современное право. 2010. № 10. С. 25–28.
15. Толстой Ю.К. Из пережитого. М., 2015. 496 с.
16. Козлова Е.И. Теоретические проблемы системы советского государственного права // Конституция СССР: проблемы государственного строительства и советского строительства. М., 1980. С. 34–38.
17. Нормативно-правовые акты РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.08.2021).
18. Муравский В.А. Актуально-правовой аспект правопонимания // Государство и право. 2005. № 2. С. 13–18.
19. Хачатуров Р.Л. Указ. соч. С. 94.
20. Комкова Г.Н. Содержание системы конституционного права России: современное прочтение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 76–83. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.076-083>.
21. Кулапов В.Л., Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции. М., 2011. 181 с.
22. Жеребцов А.Н. Интеграция как фактор дальнейшего развития системы российского административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 62–69.
23. Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 58–66.
24. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжков. М., 2002. 864 с.
25. Добрынин Н.М. Новый российский федерализм и региональное право: состояние, практика, необходимость // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1 (14). С. 37–44.
26. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. 443 с.

Информация об авторе

И.В. Упоров – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=205808.

Information about the author

I.V. Uporov – D. Phil. in History, PhD in Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=205808.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 19.08.2021.